

Новый роман Анъес Ледиг
«За полшага до счастья»
обречен стать бестселлером.

Лоранс Алош. *Figaro*

Анъес Ледиг

ЗА
ПОЛШАГА
ДО
СЧАСТЬЯ

ПРЕМИЯ *MAISONS DE LA PRESSE*

Азбука-бестселлер

Аньес Ледиг

За полшага до счастья

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Ледиг А.

За полшага до счастья / А. Ледиг — «Азбука-Аттикус»,
2013 — (Азбука-бестселлер)

Двадцатилетняя Жюли, героиня нового романа Аньес Ледиг «За полшага до счастья», давно не верит в сказки. Разве кассирше в супермаркете, которая в одиночку растит ребенка, есть дело до фей и прекрасных принцев?! Ее единственная радость – маленький Люк. Именно ради сынишки она решает принять неожиданное приглашение незнакомца провести несколько дней в Бретани, в его доме на берегу моря. Но как узнать, что за этим стоит – улыбка фортуны или очередная пакость судьбы... Страницы удивительно светлой книги Аньес Ледиг – это смех, слезы, радость, отчаяние, это история, способная примирить нас с жизнью.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

© Ледиг А., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Имя на бедже	6
Прошла неделя...	10
Об отъезде	10
Банка варенья	21
Цыплята путешествуют	22
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Аньес Ледиг

За полшага до счастья

Agnès Ledig

JUSTE AVANT LE BONHEUR

Copyright © Éditions Albin Michel S.A., – Paris 2013

© М. Брусовани, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Люди, которых мы любили, всегда теперь будут не там, где они
были, а повсюду, где мы.*

Александр Дюма-сын

Натанаэлю, который повсюду, где я...

ПРОРАСТАТЬ СКВОЗЬ

1. Срастание двух соприкасающихся тканевых поверхностей
(биол.).

2. Состояние жидких взвешенных частиц, соединенных в более
крупные капельки (хим.).

3. Слияние одного и более фонических элементов в один (лингв.).

Le Petit Robert

Здесь:

4. Сближение чувствительных и истерзанных личностей, ведущее
к прочному восстановлению каждой личности через все, что они
совершают (гум.).

Имя на бедже

Жюли и не такое видала.

Ей следовало бы возразить, пойти на риск лишиться работы – но сохранить чувство собственного достоинства.

Какое достоинство?

Она давно его потеряла, превратившись в жалкое подобие женщины. Когда речь идет о выживании, приходится засунуть подальше высокие идеалы, выдуманные в юности. И терпеть, помалкивать, позволять, выносить.

К тому же ей была нужна эта работа. Реально нужна. И козел Шассон, бессовестный директор, способный выгнать кассиршу, обсчитавшуюся на десять евро, это знал. А уж на пятьдесят!..

Впрочем, Жюли было известно, кто украл эти пятьдесят евро, когда она отвернулась. Но оговаривать коллег нехорошо. Очень нехорошо. В тебе за версту, как вошь на белокурой головке, будут видеть доносчика. Ей бы не хотелось.

«Мадемуазель Лемэр, я мог бы незамедлительно уволить вас. Однако мне известно ваше положение, известно, что вы не сможете возместить убыток. Знайте, в моих силах заставить вас найти способ вернуть долг в кассу. Понимаете, о чем я? Если нет, спросите своих коллег, они поняли, как поступить», – равнодушно бросил он, пристально глядя на нее и гадко улыбаясь.

Сволочь!

Кстати, с виду он вполне. Идеальный зять. Высокий, подвижный, улыбчивый, с квадратным подбородком и седеющими висками. Всегда готов подбодрить, поддержать. Всегда готов в понедельник утром поприветствовать сотрудников добрым словом. Элегантная супруга и воспитанные детки. Из тех, что начинал с низов и карабкался по служебной лестнице, в поте лица завоевывая уважение и восхищение. Такова блестящая лицевая сторона медали. А если ее перевернуть, увидишь волка, хищника, мужчину, которому, чтобы ощущать себя сильным, необходимо унижать женщин.

Спустя несколько минут Жюли торопливо шла по длинному коридору, отделяющему кабинет директора от торговой галереи. Ее перерыв заканчивался. Она предпочла бы провести его как-нибудь иначе, а не быть вызванной на ковер. Она яростно утерла рукавом скатившуюся по щеке слезу, злосчастный признак слабости, которую следует немедленно побороть.

Потому что Жюли и не такое видала.

Она из тех, кого судьба не особо щадила.

А таких пруд пруди...

Поль Муассак в раздумье замер перед прилавком с замороженной пищей. Для него не составляло проблемы выбрать пиво, упаковку которого он сейчас держал в руках, но это!.. Он, наверное, впервые зашел в супермаркет. Во всяком случае, один.

Месяц назад его бросила жена. Перед уходом, в прощальном приливе великодушия, которое, вероятно, дало ей ощущение выполненного долга, она забила ему холодильник. Настоящая женщина во всем, вплоть до малейшей детали, и пусть никто не вздумает упрекнуть ее за столь внезапный и решительный уход.

Но сегодня у Поля уже не оставалось выбора. Первое время терять по килограмму в неделю даже хорошо, однако после определенного порога становится опасно. Мысль о том, чтобы в одиночестве сидеть в ресторане, приводила его в такое уныние, что даже аппетит пропал. Наверное, в пятьдесят один год уже пора научиться ориентироваться в продовольствен-

ном магазине. В конце концов, он выбрал самую дорогую пищу. Не хватало еще, чтобы из-за того, что после тридцати лет совместной жизни его бросила жена, он ел что попало.

Если выбирать, то уж самое дорогое, это залог хорошего качества.

В отделе «овощи-фрукты» он припомнил одну из любимых фраз жены, которую она всегда произносила машинально, не задумываясь: «Пять фруктов и овощей в день». Обычно это соображение дополнялось двумя другими: «Курение убьет тебя» и «Алкоголь вреден для твоего здоровья».

Редкая зануда!

И все же Поль бросил в пластиковый пакет несколько яблок и направился к кассам.

Поль, держа в руках свои покупки, ждал, когда сможет положить их на транспортер. Бабушка перед ним только что вывалила на движущуюся ленту целую тележку дрянных продуктов. Похоже, она тоже не в ладах со своей половиной.

Поль очень быстро понял, что выбрал не лучшую кассу для того, чтобы как можно скорее покинуть этот вертеп потребления. Зато кассирша хорошенькая. Нелюбезная, но хорошенькая. Достоинство красоты – смягчать впечатление от дурного характера. Так всегда. Хорошеньким женщинам заранее все прощают, не успеют они и рта раскрыть. Эта, даже не взглянув на покупательницу, отсчитывала ей сдачу, утирая бог весть откуда взявшуюся слезу. Подбородок у нее не дрожал, дыхание было ровным, глаза сухие – словом, совершенно невозмутимое лицо... Но эта скатившаяся слеза...

Теперь его очередь.

– Привет, Жюли.

– Мы знакомы? – спросила она, с удивлением поднимая на него взгляд.

– Нет, но это написано на вашем бейджике. Иначе для чего нужен бейдж с именем?

– Чтобы пожаловаться на нас на центральной кассе, если в сдаче не хватает трех сантимов. И очень редко для того, чтобы поздороваться с нами.

– У меня есть недостатки, но я не ябедник.

– Вы не взвесили яблоки, – невыразительным и равнодушным тоном заметила она.

– А надо было?

– Ну да!

– А что мне теперь делать?

– Или вы идете взвешивать яблоки, или оставляете их.

– Иду-иду, я быстро, – сказал Поль, подхватывая пакет. И на что ему сдались эти яблоки?

– Не спешите! В моей жизни это ничего не изменит, – бросила ему вслед молодая женщина.

Но он уже исчез из очереди.

Покупатели позади него начали проявлять нетерпение. Жюли воспользовалась паузой, чтобы распрямить спину, которая болела вот уже неделю.

Мужчина вернулся запыхавшись, положил перед молодой женщиной взвешенный товар.

– Вы вместо кнопки «яблоки» нажали на «виноград».

– Правда?

– Ну да, виноград «гольден». Так написано на этикетке. А у вас яблоки «гольден».

– Это важно?

– Придется платить дороже. Можете вернуться, если хотите.

Очередь начала возмущаться еще громче, и ее ропот удержал Поля возле кассы.

– Не важно, возьму как есть. А вдруг от этого яблоки станут вкуснее! – с улыбкой сказал он кассирше.

В ответ Жюли тоже едва заметно улыбнулась. Уже целую вечность ни один мужчина не любезничал с ней. Пусть даже вот так. Впрочем, в свои двадцать Жюли не привыкла к такому

проявлению внимания. Беспечность повстречала достоинство на кладбище утраченных иллюзий.

- Вечером по телевизору футбол? – спросила она, протягивая Полю чек.
- Нет, с чего вы взяли?
- Да так... пиво, пицца...
- Вечер холостяка!
- Одно другому не мешает.

Жюли не удостоила ответом следующую возмущенную покупательницу, которая попыталась убедить ее, что можно и не знать, что овощи и фрукты надо взвешивать. Молодая женщина даже не прислушивалась к этому бла-бла-бла. Она уже давно была по горло сыта всем этим: «Улыбка – здравствуйте – до свидания – спасибо». В зубах навязло! И прибегала к этой формуле, только почувствовав, что за ней наблюдают. История с яблоками хотя бы дала ей возможность размять ноги и глотнуть водички с лимоном, чтобы заглушить горький привкус работы.

Тщетно.

К тому же она воспользовалась передышкой, чтобы подумать о Людовике – он радость ее жизни. Единственный положительный образ, способный сдержать захлестывающий ее шквал эмоций.

Жером, выпрямив спину, сидел на диване, уставившись в пустоту. Рабочие дни давались ему все тяжелее и тяжелее. Он больше не мог выносить своих пациентов. Всех этих сварливых бабулек с мозолями на ногах, сопливых деток, не желающих раскрыть ротик, чтобы доктор посмотрел, нет ли там, среди желтоватой слизи, признаков ангины, теток предклимактерического возраста, повествующих о своих приливах так, будто это смертельное заболевание. Что уж тут говорить о людях с кучей страховок, которые требуют освобождения от работы только потому, что их лень стала размером с баобаба.

А он вот уже десять лет пашет как ненормальный – сыт по горло, – чтобы успешно завершить медицинское образование и заполучить деревенских пациентов, которые за несколько месяцев от недоверия к новичку-доктору дошли до желания поработить его.

Для того чтобы у него открылись глаза, потребовалась драма. И он чувствовал, что, если не сделать короткого перерыва, может произойти новая катастрофа. Даже ежевечерняя доза спиртного уже не помогает держать удар. Он отключается от дневных событий, потом валится как мешок, чтобы очнуться в два часа ночи и ворочаться с боку на бок до самого рассвета. И когда звенит будильник, он выныривает из мучительного, беспокойного, невыносимого сна одиночества.

Отец – единственный, кто худо-бедно может его понять, хотя у него самого сейчас не лучший период. Завтра он ему позвонит, чтобы узнать, свободен ли сейчас их домик в Бретани. Медленный равномерный ритм волн, вероятно, поможет ему вновь обрести успокоение среди хаоса.

Малыш устроился в гостиной. Няня готовила ужин, поглядывая на него. Ребенок вытащил из ящика с игрушками всех своих пластмассовых зверушек и расставил их в кружок. Крошечный серый слоник соседствовал с огромной белой собакой, а три гуся, приклеенные к своей травяной лужайке, должно быть, задумались, как они могли оказаться рядом с лиловым динозавром чуть больше размером, чем они сами.

Малыш по-дружески беседовал с ними, по очереди выводил их проветриться на голубой цветок в углу пестрого хлопчатобумажного ковра. Погружаясь в мир своих зверушек, он инстинктивно старался отвлечься от стресса, испытанного сегодня в детском саду. Он забыл

про мальчика из старшей группы, который, стоило воспитательнице отвернуться, стащил у него вторую печенку; про свою найденную на полу под вешалкой затоптанную и испачканную жилетку; про рисунок, залитый водой из опрокинувшегося стакана, в котором все полоскали кисточки. Воспитательница пообещала, что разрешит ему сделать другой. Но он-то хотел, когда мамочка придет с работы, подарить ей именно этот.

Пластмассовым зверушкам живется легче...

* * *

Вот уже два года я работаю кассиршей, и впервые покупатель поздоровался со мной и назвал по имени. Так редко можно встретить приятных людей. В основном они едва замечают меня, считая, что я недостойна их вежливости, а порой набрасываются, потому что, по их мнению, я медленно работаю. Те, кто взглядом дают мне понять, что я всего лишь кассирша, люди, прикрывающиеся тем, что клиент всегда прав, считают, что им все дозволено, включая неуместные и пренебрежительные по отношению к женщине замечания. Те, кто продолжают разговаривать по мобильному телефону и ждут, будто я какой-то аппарат, когда на экране высочит цена, и уходят, не удостоив меня даже взглядом.

Но я научилась защищаться. Некоторые мои коллеги терпят молча, а я отвечаю. Люди просто не понимают. Сели бы на мое место. Они не продержались бы и двух дней в этом шуме, на сквозняке, ворочая, так что спина буквально разламывается, тяжелые упаковки, которые надо провести над сканером, непрерывно издающим назойливый звуковой сигнал. Я уж не говорю про этого козла Шассона, который держит нас за скотину.

Однажды он мне за все заплатит. И еще пожалеет.

Когда Люк вырастет, когда перестанет нуждаться во мне, я больше не позволю надо мной издеваться. Я наконец стану свободной. И тогда я отомщу сволочам во всем мире, которые мучат женщин, считая, что мы должны им подчиняться и с нас можно драть семь шкур. Да кто они такие, чтобы так думать?!

Правда, у этого типа сегодня было в глазах что-то, отчего он выглядел искренним и симпатичным. Хотя мне следовало бы быть осмотрительнее. Сколько раз я уже попадалась. Странно, но я почувствовала, что он не такой, как все.

Во-первых, он старый. Не то что эти молодые петушки, которые под предлогом того, что они в самом расцвете лет, да вдобавок смазливы, думают, что смогут вскочить на все, что шевелится.

К тому же он со своим пакетом яблок с неправильной этикеткой был так растерян, будто свалился с другой планеты, с небес.

Иногда мне хотелось бы попасть туда, на другую планету. Такую, где не знают никаких человеческих ужасов, от которых хочется биться головой о стену и которые заставляют страдать множество людей...

Иногда кажется, будто встретила человека из своей вселенной... Неземного, не такого, как все, который с тобой на одной волне или живет теми же иллюзиями...

Вот какое у меня сегодня возникло впечатление...

И мне стало хорошо.

Прошла неделя...

Об отъезде

- Привет, Жюли, – сказал ей мужчина, положив покупки на движущуюся ленту.
 - Здравствуйте, мсье. Сегодня вы все взвесили? – спросила она без тени насмешки.
 - Я делаю успехи... А вам лучше?
 - Лучше?
 - Мне показалось, в прошлый раз вы были немного грустны?
 - Нет, – сухо отрезала она.
 - Значит, просто в глаз попала соринка?
 - За термопакет надо платить. Будете брать?
 - Да! Такой надо иметь, верно?
 - Ваше дело. С вас сорок семь евро девяносто пять центов.
 - Возьмите, – сказал он, извлекая из кошелька купюру в пятьдесят евро. – Сдачи не надо.
 - Ни в коем случае. Чаевые запрещены.
 - Выходит, мне следует после работы пригласить вас выпить?
 - Не думаю, что это возможно.
 - Боитесь, станут болтать?
 - Вы мне почти в дедушки годитесь!
 - Не преувеличивайте, а то обижусь.
 - Ну в отцы...
 - А разве отец не имеет права пропустить стаканчик с дочкой?
 - Я вам не дочь.
 - Этого никто не знает. Сделаем вид...
 - Чего вы ищете? Свежачка?
 - Я ищу служащую, которую можно подкупить, чтобы она помогла мне сориентироваться в этом магазине.
 - Это зависит от того, что вы ищете.
 - Я ищу продукты, подходящие для одинокого мужчины, прожившего тридцать лет с женой, которая занималась всем, включая покупки.
 - Вот и выходит, что вы ищете свежей плоти!
 - Теперь у меня есть термопакет, надо же его использовать!
 - Даже втянув живот, я не помещусь в ваш термопакет.
 - Об этом я даже не прошу; просто согласитесь выпить со мной после работы.
- Вы во сколько заканчиваете?
- Сегодня у меня перерыв с тринадцати до пятнадцати.
 - Где вы обедаете?
 - У меня есть яблоко.
 - Яблоко? Даже если оно стоит как виноград, это не слишком питательно. Буду ждать вас во втором ряду парковки «П», как Поль. У меня серый внедорожник «ауди». Съездим куда-нибудь перекусить.

Жюли протянула ему чек и мельком глянула на стоящих в очереди покупателей, которые уже бросали на нее мрачные взгляды. Ей следовало бы поостеречься: они могут пожаловаться директору, а тот, воспользовавшись ситуацией, потребует от нее быть с ним полюбезнее.

Она пока не знала, пойдет ли искать на парковке серый внедорожник. Кто сказал, что этот человек не потребует от нее чего-нибудь непристойного? С другой стороны, на паркинге средь

бела дня она ничем не рискует. К тому же он так трогательно старался самостоятельно разобратся с покупками. Бедный начинающий холостяк...

У нее сегодня последний рабочий день перед трехнедельным отпуском. Она имеет право это отметить. Приглашение незнакомца избавило бы ее от необходимости два часа торчать в торговом центре, потому что у нее нет денег на бензин и она не может съездить домой, так как старается реже пользоваться машиной. Правда, у нее в сумке лежала недавно взятая в библиотеке книга, но куда деться от окружающего шума? Комната отдыха для персонала жуткая, без окон. Да еще эти парни из мясного отдела постоянно отпускают в ее адрес замечания, увесистые, как туши, которые они ворочают.

Кстати, вполне возможно, что этот тип с внедорожником «ауди» пригласит ее в хороший ресторан. Неплохо бы наесться про запас, чтобы продержаться до конца месяца, который будет нелегким.

Впрочем, как конец каждого месяца...

Жером нашел заместительницу. Не слишком опытную, но какая разница! Ему хотелось увидеть море, посмотреть на далекий горизонт, попытаться забыть болотистые почвы, в которых он увязал уже три месяца.

Молодая женщина должна приехать сегодня вечером, на время ее пребывания здесь он даже решил предоставить ей свой дом. Этой ночью им придется остаться здесь вдвоем, потому что он уезжает завтра. Только что звонил отец, чтобы уточнить время его прибытия. Отец тоже мечтал вдохнуть морского воздуха.

Но по другой причине. Нечто вроде вздоха облегчения.

Прием длился больше двух часов. Он уцепился за возможность путешествия, чтобы обрести силы держать спину прямо, а голову высоко. Доктору положено хорошо выглядеть. Доктор должен устоять. Это постамент, на который карабкаются хрупкие пациенты. Он обязан быть крепок как скала.

Ты говоришь о нерушимом постаменте!

Сваленный на землю, уничтоженный несколько месяцев назад, постамент уже никого не держал. Жером выслушивал, выписывал рецепты, пальпировал, накладывал швы, но никого не поддерживал. Ему удавалось обходиться без антидепрессантов, это да. Но ведь есть алкоголь.

Ребенок с нетерпением ждал, когда его заберут. За ним пришла няня Тати, а завтра у мамочки начнется отпуск. Она будет с ним каждое утро и каждый вечер. И даже днем! У няни он кушал лучше, но все-таки больше любил, когда мамочка дома.

Детский сад ему не нравился. Конечно, он выучил несколько песенок, но там слишком шумно, слишком много детей, которые толкаются и досаждают. К тому же надо слишком много двигаться, смотреть, слушать.

Мамочка обещала, что, когда у нее начнется отпуск, он не будет каждый день ходить в детский сад, потому что ей хочется побыть с ним. Не важно, что скажет воспитательница.

Его мамочка не такая, как у всех остальных.

Во-первых, она самая красивая. И самая молодая. Когда они выходят из детского сада, можно подумать, что это его старшая сестра. И потом, ей плевать, что думают другие.

Еще она говорит плохие слова. А вот когда он произносит их в детском саду, его наказывают. Хорошо быть взрослым, никто не ругается, когда ты говоришь плохие слова.

Но иногда по вечерам, разложив перед собой какие-то бумажки и нажимая на кнопки калькулятора, мамочка плачет.

Его, например, не беспокоит, что на ужин у них всегда макароны. Он любит макароны. Хотя с мясом, конечно, вкуснее. Вкуснее, чем с маслом. Тати повезло, что у нее хватает денег, чтобы покупать хорошую еду...

Час дня.

Перерыв.

Найти ряд «П» и встретить того мужчину. Он вроде бы милый. Без тайных намерений. И все же он ей в отцы годится! Однако неплохо изредка пересмотреть свои представления. К тому же перспектива хорошо поесть греет сердце.

Когда Жюли вышла на нужный ряд, внедорожник помигал фарами, чтобы привлечь ее внимание. Мужчина доброжелательно улыбался, пока она устраивалась рядом с ним на переднем сиденье. Приборная панель из красного дерева, безупречно чистый коврик. Ни песчинки.

Как ему удастся?

Какая пропасть между этой роскошной машиной и ее прогнившим древним «Рено-5», который норовит развалиться всякий раз, как она поворачивает ключ зажигания. С ржавым кузовом и потертыми сиденьями. По правде говоря, она не склонна наводить чистоту, особенно когда речь идет об автомобиле, функция которого ограничивается тем, чтобы доставить ее из пункта А в пункт Б. Главное, он пока едет. Жюли даже страшно представить, что будет, если «рено» сломается. Машина была нужна ей, чтобы работать, а значит, жить. Ее дамоклов меч имел форму приводного ремня, который следовало сменить еще двадцать тысяч километров назад. Автослесарь сказал, что если он ослабнет, двигатель выйдет из строя. Жюли возразила, что, если поменять ремень, она не сможет заплатить за квартиру. Он резонно заметил, что, если мотор сломается, ей не на чем будет ездить на работу, ее уволят и она так и так не сможет заплатить за квартиру.

Мастер не банкир, и она молится, чтобы ремень выдержал.

Поль предложил какой-то незнакомый ресторан. Хотя она вообще их не много знала. Это в нескольких минутах езды.

– Я рад, что вы пришли, – просто сказал он.

– Только предупреждаю: ничего от меня не ждите! – сухим тоном ответила Жюли.

– Вы только лаете или еще и кусаетесь? – спросил он.

– Я не лаю, а вношу ясность.

– Чего бы я мог от вас ждать, кроме сообщения о каких-нибудь выгодных скидках?

– Моего расположения.

– Ну нет, я не такой!

– Это редкость.

– Что же, все мужчины хамы?

– Похоже на то...

– Вы ставите меня в неловкое положение, мне даже как-то не по себе...

– Почему?

– Потому что теперь мне придется доказывать вам, что я не такой...

– Неужели для мужчины это так трудно?

– Да нет... то есть... не знаю. Посмотрим.

В салоне машины повисло неловкое молчание...

– Я всего лишь предлагаю вам вместе перекусить, – нарушает тишину Поль, – поболтать о том о сем. Хотите, о вас, хотите, если вам интересно, обо мне. Без напряжения и задней мысли.

– Подходит, – согласилась молодая женщина.

– Главное, я приглашаю вас подкрепиться чем-то посерьезнее, чем яблоко!

– Я привыкла днем съедать яблоко...

- Привычка не является залогом питательного баланса.
- Я живу по средствам.
- Сегодня можете заказать хоть полный обед, при условии, что потом вас не вырвет на приборную панель.
- Попытаюсь! – ответила Жюли и наконец улыбнулась.

Ресторан оказался шикарным. В обтрепанных джинсах, футболке с глубоким вырезом и выцветших кроссовках, Жюли чувствовала себя несколько неловко.

- Вы уверены, что меня пустят? – беспокойно спросила она.
- А почему нет?
- Я не вписываюсь в интерьер.
- Вас никто не просит висеть на стенке.
- И все же выгляжу я неподходяще?
- Да, конечно! Но нам на это плевать! С банковской картой это можно себе позволить. Довольно приятное ощущение.

- Но у меня нет банковской карты.
- Тогда... как бы вам объяснить, Жюли... мне было бы легче доказать вам, что я не хам, чем влезть на секвойю. Хорошо воспитанный мужчина обычно приглашает женщину в ресторан. Если только не нарвется на ярую феминистку, которая не видит разницы между обходительностью и хамством.

- Полагаю, у феминисток есть банковские карты...
- Зато вам придется выплюнуть жевательную резинку, иначе это и впрямь будет дурной тон...

Жюли повиновалась. Оторвав кусочек салфетки, она завернула в него запретный объект и положила в пепельницу. Официант принес меню. Бегло просмотрев его, Жюли с раздражением захлопнула папку.

- Вы расстроены? Вам ничего не понравилось?
- Для меня это слишком дорого... – выдавила она.
- Вы что, феминистка?
- Нет, с чего вы взяли?
- Вы же не предполагали платить?
- С каждым проглоченным куском у меня будет ощущение, что я зажевала пять евро.
- Не смотрите на цены!
- Я не могу, это стало сильнее меня, вошло в привычку. Я всегда смотрю на цены и не могу перебороть себя, правая колонка притягивает мой взгляд...
- Тогда я сам вам прочту.
- Подумают, что я не умею читать.
- Тогда я шепотом...
- Тогда подумают, что вы говорите мне нежности, хотя в отцы годитесь...
- Жюли, пусть люди думают что хотят, – с улыбкой вздохнул он.

И вот Поль принялся читать меню. Жюли приходилось постоянно прерывать его. Она знала далеко не все предлагаемые блюда. Официант издали наблюдал за происходящим за девятым столиком. Увидев, что мужчина улыбнулся и отложил меню, он решил подойти.

- Выбрали, мсье-мадам?
- Да, даме для начала копченый лосось, затем филе-миньон с лисичками, а на десерт сыр вашрен с малиной. Мне – то же самое. И принесите нам хорошего вина, молодой человек, я вам доверяю.
- А гарнир?
- Картошку фри, чтобы заменить яблоки.

- Простите, что? – не понял официант.
- Ничего-ничего, – ответил Поль, подмигнув Жюли.

Взяв со стола меню, гарсон поспешно удалился.

С любопытством озираясь по сторонам, Жюли потягивала лимонад с гранатовым сиропом.

- Вы здесь впервые?
- Конечно. У меня нет денег на рестораны.
- Даже изредка, один разок?
- Да.
- Вы что-то упускаете.
- Знали бы вы, сколько всего я упустила!
- Например?
- Все. Я упустила свою жизнь! Вообще. Почему вы пригласили меня в ресторан?
- Вы меня огорчили.
- Я?! – возмутилась она.

– Да, вы. Я прекрасно знаю, что в тот раз, когда я подошел к вашей кассе, это была никакая не соринка в глазу. Я расстроился.

- Не стоит, все уже прошло.

- Что случилось?

- Почему вас это так волнует?

– Потому что у меня вполне могло возникнуть желание пойти и набить морду тому, кто заставил вас грустить. Ненавижу, когда женщинам причиняют боль.

- Кто вам сказал, что это мужчина?

- Почтение, с которым вы к нему относитесь.

- Вы правда хотите, чтобы я вам рассказала, что случилось?

- Нет, мне совершенно плевать, просто хочу поболтать, пока не принесли закуски.

- ...

- Разумеется, да!

- Он несколько месяцев пристает ко мне, обещает отомстить, если я ослушаюсь.

Однажды пригрозил мне, что в следующий раз возьмет меня силой.

- Простите, что? – Поль едва не поперхнулся пивом.

- У меня нет выбора...

- Вы смеетесь?

- Нет, и он знает, что может меня прижать, потому что у меня нет выбора...

- Что это за история? – сердито спросил Поль.

- Как-то раз, когда я была в уборной, одна коллега взяла у меня из кассы пятьдесят евро.

Я видела, как она кладет на место мою сумку. Меня вызвали к управляющему. Он сказал, что может незамедлительно уволить меня за недостачу и что в следующий раз я должна быть с ним полюбезнее.

- Но вы не выдали свою коллегу?

- Так не делается.

– Потому что тогда он набросился бы на нее? – спросил Поль. – А он не предложил вам закрыть недостачу и покончить с делом?

– Вы шутите или что? Слишком хороший повод. Кассиров могут уволить даже за то, что они украли купон на скидку, – знаете, такие обычно прикреплены к кассовому чеку. Если покупателю не нужны эти купоны, мы должны их уничтожить. Если кого-то из нас застукают, что мы оставили купон себе, можно, конечно, предложить заплатить за него один евро восемьдесят центов, но эта сволочь может уволить несчастную. А тут, можете себе представить, пятьдесят евро...

– Но почему вы не вложили в кассу эти деньги, пока никто не заметил, если знали, чем рискуете?

– Потому что у меня их не было.

– В супермаркете есть банкомат.

– Говорю же вам, у меня их не было.

– Да у каждого есть на счету хотя бы пятьдесят евро.

– Ну вот, а это было как раз перед зарплатой.

Тогда Поль выхватил из кармана бумажник, достал из него пятьдесят евро и протянул Жюли. Она сердито глянула на него.

– Берите! – нетерпеливо настаивал Поль, нервно потряхивая купюрой.

– Не может быть и речи!

– Берите, я сказал! Не может быть и речи о том, чтобы это повторилось. Вам надо всего лишь спрятать эти деньги подальше в кошелек и держать там, пока снова не представится случай.

– С чего это вдруг вы даете мне деньги?

– Чтобы доказать вам, что я не хам. Доказательство номер один.

– Ну вот, теперь, когда стало ясно, что я неграмотная и что я ваша любовница, люди могут к тому же подумать, что вы мне за это платите.

– Они могут подумать, что вы моя дочь и я даю вам деньги на карманные расходы.

– Вы правда хотите сойти за моего отца!

– У вас есть доказательства того, что случилось? Это необходимо для экспертов конфликтно-трудовой комиссии.

– Чего?

– Они защищают права наемных служащих. Не оставьте же вы все как есть!

– Мне необходима эта работа, я не могу позволить себе потерять ее.

– Невероятно...

– Такова жизнь. Вы что, живете на другой планете или как?

– Нет, но я представить себе не могу, чтобы подобное было возможно.

– И кем же вы работаете в вашем Кендиленде?

– Я занимаюсь аэродинамикой в компании «Бугатти».

– Интересно?

– Захватывает.

– А платят хорошо?

– У меня нет никаких финансовых проблем. Впрочем, моя карьера заканчивается и я собираюсь уйти. Денег хватит.

– Наследство?

– Нет, патент, полученный в самом начале моей трудовой деятельности; нужная идея в нужный момент. Так что нужда мне не грозит.

– Кроме нужды в женщине.

– Я не испытываю нужды в женщине.

– А разве ваша жена не ушла?

– Ушла. И очень вовремя. Я уже не мог ее выносить. Она была очень полезной, но что поделаешь...

– Вот видите, вы настоящий хам, раз говорите о женщине как об удобной вещи. Какое счастье, что у меня нет банковской карточки, иначе я бы позволила себе поступить как феминистка и поколотила бы вас.

– Это она сочла, что стоит выйти за мужика с тугим кошельком.

– У вас есть дети?

– Сын. От первого брака.

- Видеть, веселая у вас семейная жизнь. Ваша первая жена тоже вас бросила?
- В каком-то смысле... – Поль потупился, а потом спросил: – Ну и как вам филе-миньон?

Вкусно?

- Изумительно. Я не ела такого со своего первого причастия.
- У вас есть любовник? – поинтересовался Поль, чтобы сменить тему.
- Почему вы спрашиваете?
- Просто так.
- У меня нет любовника. В моей жизни нет никого, кроме Людовика.
- Кто это, Людовик?
- Мой сын.
- У вас есть сын? – удивился Поль.
- Да, ему скоро три года.
- А сколько же вам лет? – изумленно спросил он.
- Двадцать.
- Это случайность?
- Никогда больше не говорите, что Людовик – случайность. Он самое прекрасное, что произошло в моей жизни.
- А отец?
- Никакого отца.
- Клонирование, партеногенез или библейское чудо? – развеселившись, поинтересовался Поль.

- Пьяная вечеринка...
- Вот почему вам так нужна эта работа и вы даже готовы терпеть мерзкие приставания управляющего...
- Да, все ради него.
- Родители вам не помогают?
- Узнав, что я беременна, отец выставил меня за дверь.
- А ваша мать?
- Она с тех пор пьет, чтобы забыться. Мы с ней видимся тайком. Редко.
- Ну и картина!
- Пикассо. Жизнь, не похожая ни на что.
- Почему отец выставил вас за дверь?
- Он католик-интегрис¹.
- Интегрис?
- Да, я так думаю. Иначе он хоть чуть-чуть пожалел бы меня. Но в любом случае я больше не могла его выносить. В доме был суший ад. А я никогда не вписывалась в модель жизни, которую он мечтал навязать мне. Играть в снежки в клетчатой юбке! Пока ты маленькая, ты смиряешься, но потом, в подростковом возрасте, начинаешь задумываться. И бунтовать.

За десертом Жюли и Поль продолжили разговор. Она рассказала ему о приюте, где провела с маленьким сыном год до своего совершеннолетия. О том, что учебу после бакалавриата пришлось бросить, о непосильном труде, чтобы свести концы с концами, о работе кассиршей: платят крохи, график невыносимый, но это единственный источник дохода, иначе не выжить. О бесконечно тянущихся безрадостных днях и о сегодняшнем счастье – начале отпуска, целых три недели не видеть эту сволочь Шассона. А главное, общаться с сыном, которого она так мало видит: через день она работает допоздна.

- Стало быть, в отпуск вы не едете? Ваш сын ходит в детский сад?

¹ *Католик-интегрис* – сторонник движения в современном католичестве, выступающего против курса на обновление Католической церкви. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Пока я в отпуске, он будет туда ходить, только когда сам захочет. Он и так проводит там слишком много времени. Но разумеется, я никуда не еду...

– Посещение детского сада не обязательно?

– Нет. Там есть обязательные занятия. Но ему всего три года... Он ведь не корпит над интегралами или вопросами кинетической энергии...

– Вы все это знаете? – изумился Поль.

– Да, а что?.. Я кассирша, но не дебилка ведь. Сдала экзамены... бакалавриат по точным наукам.

– Почему вы не продолжили учебу?

– А на какие шиши?

– Гм... – Поль смущенно улыбнулся. – Вам нравится Бретань?

– Никогда не была. В детстве мы каждые каникулы ездили в Лурд. А в Бретани, должно быть, красиво.

– Я вас туда отвезу.

– Как это?

– Завтра утром я еду в Бретань на несколько дней, чтобы отдохнуть. У вас отпуск, я возьму вас с собой.

– А как же мой сын?

– Разумеется, вместе с вашим сыном. Мы расскажем ему о кинематике волновых процессов и законе Архимеда. Он обгонит свою группу по программе и поразит воспитательницу детского сада.

– Кончится тем, что я и вправду решу, что вы ждете от меня чего-то неприличного.

– Там будет мой сын. Ему необходим отдых.

– Он в курсе? Он согласен?

– На первый вопрос ответ отрицательный, насчет второго – не знаю. Это мой дом, мой автомобиль, я трачу свое время, чтобы отвезти его туда. Не хватало еще, чтобы он выдвигал какие-то требования! К тому же вы перемените его взгляд на жизнь.

– Он тоже в поисках свежачка?

– Он тоже не хам. Прекратите считать, что к вам проявляют интерес только из-за того, что вы женщина и молоды.

– Тогда почему вы проявляете ко мне интерес?

– Вы трогательная.

– Я вызываю у вас жалость?

– Вовсе нет. Но за этот час мы с вами говорили больше, чем я с женой за последние полгода. Мне было приятно. К тому же я всегда мечтал иметь дочь.

– Ну точно, вы непременно хотите косить под моего папашу...

– Так вы согласны?

– Чтобы вы были моим отцом?

– Нет. Поехать в Бретань.

– Не знаю... Надо подумать...

– Позвоните мне сегодня вечером, когда примете решение, – предложил Поль, протягивая ей свою визитную карточку.

– У меня нет телефона.

– Да что вы!

– Его отключили три месяца назад.

– Значит, я за вами заеду. А там посмотрим. Завтра в семь утра. Где вы живете?

Жюли сообщила ему адрес, сказала, что найти очень легко, это прямо возле церкви, жилье для малоимущих в бывшем доме священника...

– Забавно, вас выставил из дома отец, повернутый на религии, и вы живете в бывшем доме кюре.

– Так что утром и вечером я слышу колокола! Как прежде... Но это другие...

Молодая женщина въехала в посыпанный гравием двор возле дома. Она припарковалась, закинула в сумку какие-то вещи, бросила взгляд в зеркало заднего вида и машинально поправила прядь волос. Жером увидел, что она прикрыла глаза, сделала глубокий вдох, а затем выдохнула, прежде чем выйти из машины. Отойдя от окна, чтобы она не подумала, что он за ней следит, Жером спустился по лестнице, ведущей во двор. Прозвенел звонок.

Он открыл дверь. Гостя нервничала, ей было явно не по себе.

– Здравствуйте. – Она, опустив голову, протянула ему мягкую, словно пастила, ладонь. – Каролина Лагард, я ваша заместительница.

– Здравствуйте, Каролина, – ответил Жером, старательно изображая улыбку.

Результат не оправдал его ожиданий. Улыбка снова вышла похожей на гримасу. Вот уже несколько месяцев все, что он делает, выглядит фальшиво.

– Легко нашли?

– С навигатором можно добраться к черту на кулички.

– То есть я черт и вы приехали ко мне на кулички?

– Вовсе нет. Я совсем не это хотела сказать, простите. – Девушка потупилась. Она была явно смущена.

– Это я так, чтобы подколоть. У вас есть чемоданы?

– Да, сейчас схожу за ними.

– Позвольте, я с вами.

На своих каблучках Каролина шла по гравию, будто по льду. Она смущенно улыбнулась Жерому:

– Думаю, чтобы работать здесь, мне придется переобуться в кроссовки.

– Только если соберетесь выходить. Жилые комнаты наверху, а кабинет на первом этаже.

И между ними ни единого камешка... Зато когда отправитесь на вызовы...

– Придется привыкнуть. Меня впервые назначили на замену, вас это не пугает?

– Раз вы спрашиваете, боюсь, мне следует забеспокоиться. Все мы через это прошли.

Когда-то надо начинать.

– С вашей стороны очень любезно принять меня.

– Мне необходима передышка.

– Да, это, пожалуй, даже заметно.

– Умеете же вы сделать комплимент.

– Простите, мне очень неловко. Это опять совсем не то, что я хотела сказать...

Ну то есть, – пробормотала она, глядя себе под ноги, – вы не слишком-то хорошо выглядите.

– Не извиняйтесь, я снова пытаюсь вас подколоть. Расслабьтесь, я вижу, что вы очень нервничаете.

– Потому что я впервые кого-то замещаю. Боюсь, у меня не получится.

– Единственное, что от вас требуется, – никого не прикончить.

– Постараюсь. Можно будет вам позвонить, если вдруг?..

– Если вдруг вы все-таки кого-то убьете?

– Если вдруг мне понадобится...

– Я представлял себе свой отдых несколько иначе... Ну что же, в крайнем случае – да... Я, кстати, записал для вас телефоны врачей, практикующих поблизости. Не бойтесь, они не кусаются.

Жером показал ей дом, кабинет на первом этаже, все оборудование, компьютер и всевозможные шкафчики с медикаментами, затем верхний этаж и гостевую спальню, где она сможет обосноваться на эти несколько недель.

Затем он вернулся в кухню, чтобы, пока она раскладывает вещи, приготовить ужин. После стольких месяцев одиночества Жером был взбудоражен женским присутствием. Он испытывал странное ощущение, будто к нему вернулись утраченные чувства, умолкнувшие волнения, будто какая-то замершая часть души пробуждалась, наполнялась. Чем – он и сам не знал, но она наполнялась, разгоняя тревожную пустоту, которая затягивала его в свою глубину, точно в черную дыру.

Чемоданы были собраны, на сон Жерому оставалось лишь несколько часов. Ничего, отоспится в пути. Отец способен вести машину хоть тысячу километров подряд. Сам Жером мало на что сейчас годился. Даже приготовить пристойный ужин ему и то не по силам. Всякий раз, делая спагетти болоньезе, он умудрялся переварить макароны и пересушить мясной фарш.

Жером уже собирался посетовать по поводу своих жалких кулинарных способностей, когда из коридора до него донеслись всхлипывания.

Перекинув через плечо кухонное полотенце, он направился к гостевой спальне. Сидя на кровати и уткнувшись лицом в ладони, девушка пыталась унять рыдания.

– Что случилось? – спросил Жером, усевшись рядом с ней.

– Я... я боюсь... – всхлипнула она.

– Боитесь чего?

– Что у меня не получится.

– Не беспокойтесь, на вашу долю достанется всего лишь легкий насморк, несколько отитов и парочка подошвенных бородавок. Более сложные случаи мы сможем обговорить по телефону. Поверьте в себя. Раз уж вы добрались сюда, значит и с этим справитесь. Ведь, по крайней мере, вам удалось сжульничать на экзаменах. Или вы не жульничали?

– Разумеется, нет! – Каролина вскочила с возмущенным видом.

– Значит, все в порядке.

Жером протянул ей посудное полотенце, чтобы она утерла слезы, – как раз то, что надо, хотя лучше бы простыню, – и заметил, что зато у него на кухне ничего не ладится и он не знает, что делать, чтобы спасти спагетти болоньезе.

Через несколько минут при помощи сливочного масла и томатного соуса Каролине удалось исправить положение. Она едва удержалась, чтобы не выразить возмущение по поводу отсутствия пармезана, однако не осмелилась на подобную вольность... Вот опять глаза на мокром месте...

Они поужинали, заодно обсудив некоторых пациентов, которые могут создать проблемы. Робкие улыбки, иногда освещающие покрасневшие от слез глаза, позволяли надеяться, что напряжение спадает. Жером отметил, что ей повезло хотя бы в том, что она умеет плакать. Иногда слезы приносят облегчение. Но мужчины не плачут. Мужчина тверд, он не показывает своих чувств. Мужчина не расслабляется. Еще будучи совсем маленьким, Жером постоянно слышал: «Не плачь, ты же мужчина!» За последние месяцы он ни разу не плакал. А тоска грызла его, словно прожорливая гусеница – весенний листок. Он твердил себе, что стоило бы разок выплеснуть горе, глаза пощиплет, зато полегчало бы.

Хотя...

Тоска угнездилась в нем без спросу. И чувствовала себя как дома. Напрасно он пытался отвлечься, ничего не помогало, она здесь, спряталась в углу, готовая выскочить, стоит немного расслабиться. Когда в доме пожар, достаточно открыть дверь – и дым устремляется вперед, проникает в каждую щель, щиплет глаза и не дает дышать. Каких пожарных звать на такое возгорание?

Каролина добилаь от Жерома обещания, что он будет отвечать на все ее звонки, – без этого она ночью глаз не сомкнет. После чего они разошлись по комнатам, обменявшись на прощание ободряющими улыбками.

Странная встреча. Он вызвал Каролину, чтобы она оказала ему услугу, а теперь, выходит, ее утешает.

* * *

Мне надоели разочарования. Надоело сомневаться во всех и во всем. Завтра утром какой-то тип, которого я вообще не знаю, заедет сюда, чтобы взять меня с собой в отпуск в Бретань вместе с его сыном и с Люком. Его сын старше, чем я, и с ним я тоже не знакома.

Моя мама сказала бы, что я чокнутая, если приняла такое предложение. У нее-то никогда ни на что не хватало смелости – особенно если нужно было возразить мужу. Даже когда он собрался выставить меня из дома...

Чем я рискую?

Может, он работает на преступную организацию, занимающуюся продажей женщин и детей в Азию? А что, очень даже вероятно! Но если бояться таких вещей, то шагу нельзя ступить. Тогда надо сидеть у себя взаперти до самой смерти. Как мама.

А что, если он искренен? А что, если я вправду тронула его, как он уверяет? А что, если он – моя путеводная звезда, которая укажет мне дорогу к чуду жизни? Не такому, как в Библии, где девственницы рожают и никому это не кажется подозрительным. Нет, к настоящему чуду. К настоящей жизни. К той, что вызывает желание просыпаться по утрам и засыпать вечером со словами: «Какой прекрасный день». Той, что позволяет растить детей, не испытывая стыда за то, что не можешь приготовить им кусок хорошего мяса и сделать прекрасный подарок к Рождеству.

С другой стороны, чего я от него жду? Что он возьмет меня на содержание? Как шлюху? Что мне повезет, как героине фильма «Красотка»? Если в нем и есть что-то от Ричарда Гира, я-то уж совсем не тяну на Джулию Робертс. И потом, у меня есть собственная гордость. Мне даже такую малость, как купюра в пятьдесят евро, трудно было принять. Правда, теперь она надежно спрятана в кошельке, и, если благодаря этому мне удастся избавиться от посещения кабинета этой сволочи Шассона, обещаю, что буду холить и лелеять эту денежку, заботиться и постоянно проверять, на месте ли она.

Из автомата в торговой галерее я позвонила своей лучшей подруге Манон. Мне необходимо знать ее мнение, ведь она моя лучшая подруга.

– Вперед! Непусти шанс!

В ее голосе не было и тени сомнения. Манон и правда настоящий друг.

Если я поеду, то только ради того, чтобы увидеть счастье в глазах Людовика.

Строить замки на песке, не те воздушные, которые грезились мне в десятилетнем возрасте, когда я еще верила, что там живет Прекрасный принц, который на белом коне прискочет, чтобы увезти свою маленькую принцессу.

Ну и вообще – увидеть море...

Банка варенья

«Вперед! Не упусти шанс!» – сказала Манон. Потому что сама такая. У нее это вроде как жизненное кредо. Она так живет и другим советует.

Жюли и Манон – подруги детства, они почти и не расставались. Манон была рядом, когда Жюли делала тест на беременность. Ходила с ней на УЗИ. Это в ее плечо вцеплялась Жюли, когда начались схватки. Ей в жилетку плакалась во время послеродовой депрессии, да и вообще всех депрессий, в которые ей порой случалось впадать.

Она всегда рядом, когда Жюли охота всплакнуть. Ну и разумеется, она тут как тут, когда надо порезвиться.

Манон – красивая девушка. Худая, высокая, с кудрявыми каштановыми волосами и с челкой, падающей на светло-карие глаза. Тонкие черты лица, россыпь веснушек. Она ведет себя очень просто, но женственно. Совершенно естественная красота, действующая на парней, как оставленная открытой в летний день на столе в саду банка варенья – на пчел: вокруг нее стремительно образуется гудящая масса. Манон всегда веселится, оценивая свои перспективы... Хотя понимает, что большое количество кавалеров – еще не гарантия их высокого качества.

Сдав экзамены, Манон решила учиться живописи. Она рисует с тех пор, как научилась держать в руках карандаш. С талантом Манон может сравниться разве что ее страсть к рисованию, задушенная в зародыше родителями, слишком заносчивыми для того, чтобы смириться с тем, что их дочь станет «художницей». Да не тут-то было. Чем больше они старались отвлечь ее от этой не имеющей будущего профессии, тем яростнее Манон принимала вызов и бросалась в бой, чтобы отстоять свою мечту. В конце концов ее приняли в местное художественное училище, где она расцвела, как цветок на весеннем солнце.

Манон искренняя и прямая. К тому же справедливая. Жюли во всем слепо доверяла подруге. Именно ей она звонила и в радости и в горе, когда нуждалась в совете, если была в растерянности. Горести, разделенные с таким другом, съеживаются, а радость – усиливается.

Цыплята путешествуют

Накануне отъезда у Жюли только к одиннадцати вечера прошла тяжесть после обеда с Полем. Ее желудок отвык от такой пищи. Но до чего же вкусно было. Вечер Жюли провела, собирая кое-что в дорогу. Она нашла пластиковый пакет и сунула туда кое-какие игрушки и детские книжки. Проснувшись утром, она дважды перебрала сумки, чтобы убедиться, что ничего не забыла. Ей с трудом верилось, что через час за ней приедет мужчина, чтобы увезти ее на другой конец Франции. Как же давно она мечтала увидеть море! И показать Людовика.

Спала она совсем мало. И ее это как будто даже обрадовало. Жюли, как всегда, завелась, несмотря на опасность разочарования, – как всегда, когда какой-нибудь тип наобещает с три короба. Кстати, кто сказал, что он приедет, может, это брехня, пустые слова, просто чтобы «поинтересничать» или добиться ее благосклонности. Разумеется, возможно, но никаких благосклонностей он не получил и с виду вроде человек вполне серьезный. Оставалась опасность продажи в Азию, которую Жюли решительно отмела, отказываясь влачить скучное существование без мечты.

Малыш еще спал. Она разбудит его в последний момент. Надежды мало, но вдруг он еще поспит в машине. Жюли подготовила автомобильное кресло, рожок, несколько галет, выставила все к двери и теперь наматывала круги по своей крохотной квартирке. Оставалось сорок пять минут до назначенного часа, когда она сможет лишний раз убедиться, что все мужики хамы.

Или нет.

Это «или нет» она мысленно перекатывала на языке, чтобы уговорить себя.

Жером спал совсем мало. Он думал. Правильно ли он поступает, оставляя свой кабинет и пациентов на начинающего врача? А как иначе? Быть может, с ним они в большей опасности, чем с молодой женщиной, обладающей гиперактивными нейронами и прислушивающейся к каждому симптому из боязни что-нибудь пропустить? А что он? Его нейроны усыплены алкоголем и усталостью... А главное, унынием.

Значит, он сделал правильный выбор.

Комплект его фирменных чемоданов в чинном порядке высился у входа. Тут был и кожаный докторский саквояж. С ним Жером никогда не расставался. Однажды, когда он не взял его с собой, понадобилась срочная медицинская помощь, с тех пор он никогда без него не выезжает. Отец не должен опоздать. Обычно он пунктуален. Они договорились на шесть тридцать.

В шесть пятнадцать из спальни вышла Каролина со спутанными волосами и опухшими глазами. Должно быть, полночи проплакала в подушку – остатки тревоги перед началом нового периода жизни. Она слабо улыбнулась Жерому и скрылась в ванной. Жером принялся готовить ей завтрак с «Нутеллой». Что может лучше взбодрить женщину? Кстати, это и в его случае работает... К тому же девица достаточно стройная и вряд ли откажется, сославшись на диету.

Каролина появилась спустя десять минут, уже одетая, со спадающими на плечи влажными волосами. Она как могла подкрасилась, и все же следы вчерашних переживаний были заметны. Через два часа начнется прием. За это время веки не придут в норму. Ну что же, тем хуже, надо будет приврать. Для наиболее любопытных она приготовила версию насчет конъюнктивита.

Спустя несколько минут во двор въехал серый внедорожник. На гравии широкие покрышки утратили обычную сдержанность. Поль позвонил, не дожидаясь, вошел в кабинет

и снизу позвал сына. Жером пригласил его подняться. Войдя в кухню, Поль с удивлением заметил молодую женщину.

– Это Каролина, моя заместительница, – объяснил сын. – Я говорил тебе, что она поживет у меня?

– Ах да, верно. Здравствуйте, Каролина. Похоже, вам не по себе.

– Здравствуйте, мсье. Спасибо за комплимент, – ответила она, слабо улыбнувшись Жерому. – У меня конъюнктивит.

– Конъюнктивит? Ну, тогда я Фред Астер, – улыбнулся Поль.

– Она немного встревожена, это ее первая работа по замене, – пояснил Жером. – Там мобильная связь есть?

– Да, хотя это край света. На худой конец, имеется стационарный телефон. Он подключен на год. Ты ведь не собирався совсем отключиться от мира?

– Если ты врач, то никогда не можешь себе это позволить...

– Отлично. Ты готов?

– Да. Кофе хочешь?

– Нет. Пора ехать.

Жером торопливо дал своей заместительнице последние рекомендации. Та, похоже, впала в полное отчаяние. Поэтому он предпочел закруглиться. Это как снять пластырь – лучше резко сорвать, чем тянуть потихоньку и мучить пациента.

Когда мужчины садились в автомобиль, Каролина приникла к кухонному окну, словно умоляя их остаться.

Она умоляла их...

– Что ты с ней сделал? – спросил Поль, захлопнув дверцу.

– Нанял своей заместительницей.

– И все?

– Ей это впервой...

– Ах, в первый раз? – улыбнулся Поль.

– Надеюсь, она справится, – с тревогой сказал Жером.

– Почему бы ей не справиться? Она же свой диплом не с рук купила?

– Папа, с рук – это прошлый век! Она боится, что проглядит что-то серьезное...

– У современных выпускников головы, как правило, забиты информацией, верно? Они чаще ошибаются из-за переизбытка знаний, а не от их недостатка. К твоему возвращению она подготовит дюжину результатов сканирования, три МРТ и пятьдесят три анализа крови...

– Конечно...

– Расслабься, для того мы и едем в Бретань...

Какое-то время Поль молчал. Он размышлял. Надо ли предупредить Жерома, что им предстоит заехать за Жюли и ее сынишкой? Предупредить – еще полбеды, но он знал, что Жерому это не понравится, он надуется, будет злиться. А если поставить сына перед фактом, то сын, мальчик воспитанный, проглотит обиду, а в дороге и злоба рассеется.

Поль выбрал второй вариант, хотя прекрасно понимал, что крюк, который им придется сделать, чтобы заехать за Жюли, вызовет любопытство сына. Так и вышло. Стоило им свернуть с трассы, Жером спросил:

– Ты не хочешь мне сказать, куда мы?

– В дом священника.

– Зачем?

– Последняя исповедь.

– Издеваешься? – Голос Жерома прозвучал раздраженно.

– Не то чтобы... но я стараюсь максимально отсрочить момент, когда мне придется сказать тебе, что мы едем забрать кое-кого, кто составит нам компанию...

– Это еще кого? – рявкнул сын.

– Очаровательную женщину.

– Ты мне не говорил, что кого-то встретил. Мог хотя бы поинтересоваться моим мнением.

– Это случилось совсем недавно, – извиняющимся тоном сказал Поль.

– То есть?

– Неделю назад.

– Всего неделю, и ты уже приглашаешь ее провести с нами отпуск на другом конце Франции? – взорвался Жером.

– А что тут такого?

– Я не собираюсь свечку держать! У меня другие планы!

– Не беспокойся. Об этом и речи нет. Она мне в дочери годится...

– А почему она живет в доме священника?

– Потому что именно там община устроила жилье для малоимущих.

– Ах, она к тому же живет на пособие? Вот черт, да что ты себе думаешь? Это с тобой началось после того, как тебя бросила Марлен? Искупаешь вину, помогая бедным?

– У меня нет вины, которую следовало бы искупать, а эта девушка меня тронула. Вот и все...

– Где ты ее нашел?

– В супермаркете...

– О нет, я брежу!

– Приехали. Сиди в машине, если хочешь. Я схожу за ней.

Прежде чем позвонить, Поль некоторое время помедлил на пороге. Жюли в нетерпении стояла за дверью, не издавая ни звука. Пусть пройдет пара секунд, чтобы не было заметно, как она ждала.

Досчитав до десяти, она открыла.

– А, это вы? – с притворным удивлением произнесла она.

– Жюли, не делайте вид, что вы удивлены. Не похоже. Вы готовы?

– Не знаю, я еще не решила...

Она вытянула шею, чтобы глянуть поверх плеча Поля.

Жером с деланным равнодушием наблюдал за ними. Он рассчитывал, что из-за отражения в стекле это будет не слишком заметно. Очаровательная женщина? Какая-то жалкая девица в потертых джинсах и обтягивающей футболке, подчеркивающей ее вызывающе торчащие круглые грудки. Разумеется, грудь сама по себе – это не недостаток. Но девица программой не предусмотрена. Их ждут неприятности, он это нюхом чувствует...

– Ваш сын с вами? Он ничего не сказал?

– Пережевывает информацию в машине. Не беспокойтесь, у него мощный желудок, скоро все переварится.

– Нет-нет, если я мешаю, мы не поедем. Я и без того сомневалась.

– Почему?

– Потому что так не делается: разве можно ехать на другой конец Франции с незнакомым человеком?

– Ну что же, как хотите, – говорит Поль, разворачиваясь, чтобы уйти.

– Подождите! – в ту же секунду крикнула Жюли.

– Уже?

– Что «уже»?

– Подождали хотя бы, пока я отъеду, чтобы доставить мне удовольствие увидеть в зеркале заднего вида, как вы бежите за машиной и машете мне. Это польстило бы моему эго.

– Ну ладно, хорошо. Я еду.

– Вот и славненько!

– Вы не из тех, кто говорит «славненько». Это не вяжется с вашим стилем.

– Как ваш вчерашний вид в ресторане. Прекратите стараться подделаться под то, что подобает или нет, это смешно. Когда мне хочется сказать «славненько», я говорю «славненько». А ваш сын?

– Он тоже умеет говорить «славненько».

– Я не о том. Он готов?

– Еще спит. Я думала разбудить его в последний момент, – может, тогда в машине он снова уснет.

– Где ваши чемоданы?

– Здесь. – Жюли указала в угол. – Багажа немного.

– И правда, – удивился Поль. Внезапно он осознал, как неустроенно живет Жюли. – Автомобильное кресло не пора выкинуть?

– Конечно нет. Просто новое стоит ужасно дорого. В любом случае другого у меня нет.

– Понятно. Я погружу ваши вещи, а вы можете закрывать ставни и будить малыша. Чем скорее мы тронемся в путь, тем меньше моему тугодуму придется пережевывать случившееся.

Поль подхватил большой пластиковый пакет, водрузил его на детское автомобильное кресло и понес все это к машине, знаком попросив Жерома открыть ему заднюю дверцу.

– А детское кресло зачем? Ей сколько лет?! – спрашивает молодой человек.

– Это для ее сына.

– Вот оно что, значит, мы подцепили еще и младенца. Если уж тебе так нужна курочка, мог бы взять ее без цыпленка.

– Курочка мне не нужна, к тому же в этой истории, скорее я курица, взявшая под свое крыло нескольких слабеньких цыплят, чтобы показать им море. Кстати, ты тоже в их числе, так что захлопни клюв. Все мы на этой земле имеем право на счастье, а для меня оно еще и в том, чтобы подарить его частицу этой девчушке и ее сынишке.

Жером возвратился на переднее сиденье и громко хлопнул дверцей. Он совсем не так представлял себе каникулы в Бретани: не внушающая доверия двадцатилетняя девица и ее трехлетний отпрыск программой не предусматривались. Младенец наверняка окажется невыносимым и с утра до вечера будет истошно орать, как вся эта перевозбужденная мелюзга, с которой ему приходится сталкиваться в своем врачебном кабинете во время эпидемий гриппа.

Честное слово, робкая заместительница и сомнительное удовольствие от путешествия в странной компании спокойствия явно не сулят. Похоже, Жерому не удастся отвыкнуть от виски в качестве снотворного.

Задняя дверца осталась открытой, и теперь Жюли устраивала в кресле полусонного Людовика, безвольно повисшего у нее на шее. Пока девушка пристегивала малыша, Поль яростно сражался с замком, пытаясь запереть на ключ входную дверь. Жюли поспешила к нему, чтобы помочь найти управу на строптивую защелку.

Жером, который до сих пор ни разу не повернул головы, бросил взгляд на малыша. Тот, еще полусонный, в упор уставился на него одновременно заинтригованно и рассеянно. Это маленькое хрупкое существо, только что выплывшее из ночных лимбов, производило трогательное впечатление. Ребенок прижал к себе кусок тряпки, заменявшей ему плюшевого мишку, засунул палец в рот и отвернулся к окну. Глаза у него слипались.

Поль уселся за руль, а Жюли сзади, возле малыша.

– Жером, познакомься, это Жюли... Жюли, это мой сын Жером...

– ...

– Воспитанные люди обычно здороваются, – равнодушно напомнил Поль.

Приветствия, которыми обменялись противоборствующие стороны, не сулили безоблачного путешествия. У молодой девушки голос звучал робко и сдержанно, доктор буркнул что-то ледяным и сердитым тоном.

Многообещающее начало!

Они тронулись в путь. Жюли размышляла, правильно ли она поступила, приняв это приглашение. Если обстановка и дальше будет столь же натянутой, какая ей радость от такого отпуска? И все же ей так хотелось показать сыну море. Ребенок ведь не виноват, что ему приходится жить на двадцати пяти квадратных метрах, играть полученными в «Эммаусе» игрушками, пока мать изо дня в день бьется, чтобы обеспечить его самым необходимым. Так что она сделала бы ошибку, если бы упустила такую возможность.

А этот, на переднем сиденье, похоже, уже переварил.

Или нет.

Но это не ее дело.

Жюли научилась не ввязываться в чужие проблемы. У нее своих полно. Она свернула свитер, подложила его под голову и уткнулась в древнее детское кресло, где сладко спал ее сын.

Ее целыми днями сводил с ума гул супермаркета, а частые бессонные ночи, проведенные в тревоге и мыслях о хлебе насущном, совершенно лишили сил. Так что Жюли сдалась и мгновенно заснула.

Поль периодически поглядывал в зеркало заднего вида. Он вдруг осознал всю неловкость ситуации и понял реакцию сына. И все же Поль предчувствовал, что ему будет польза от этой девушки, а возможно, и ей от него тоже. Ему надоели днями, неделями, месяцами размышлять, прежде чем что-нибудь сделать. Решения, принятые на свой страх и риск, хороши тем, что они естественны и искренни. Мысль о том, что ты оказал хотя бы элементарную помощь человеку, находящемуся в затруднительном положении, будет некоторое время согревать душу. Странно, но Поль интуитивно знал, что с Жюли у него до конца жизни. Бывает порой такая необъяснимая уверенность... Наверное, сейчас он чувствовал себя более свободным, и его это радовало. Жюли сможет перевести дух, потому что они встретились в подходящий момент и в подходящем месте.

Жюли, жизнь которой проходит в неподходящем месте и в неподходящий момент.

Проезжая Вогеzy через туннель Сент-Мари-о-Мин, Поль поймал себя на том, что в зеркале заднего вида разглядывает лица Жюли и ее сына, расчерченные полосами неоновых огней. Выбравшись из туннеля, он свернул к супермаркету в промышленной зоне Сен-Дье. Сын поинтересовался, почему они остановились, и Поль объяснил, что не может мириться с тем, что трехлетний ребенок путешествует в таком хлипком кресле. Случись что, он себе не простит.

– Останешься с ними или выйдешь размяться? – спросил он у сына.

– Я пойду с тобой, – разумеется, ответил Жером.

– Не сходишь за тележкой? Кресло неудобно нести.

– Ты уверен, что поступаешь правильно?

– А ты всегда уверен, что все в своей жизни делаешь правильно?

– Конечно нет, но я принимаю меры предосторожности...

– Чем я рискую, покупая автомобильное кресло для девчонки, у которой нет средств, чтобы приобрести его своему малышу?

– Тем, что она почует легкую наживу и ошиплет тебя так ловко, что ты даже не заметишь...

– Да ладно тебе! Деньги у меня есть, а головы я не теряю, если тебя именно это беспокоит. Она слишком крепко сидит у меня на плечах. Я не испытываю к этой девушке страстной любви, а только страсть заставляет совершать необдуманные поступки.

– Тогда что же ты к ней испытываешь?

– Нежность. Кстати, очень приятное чувство, Жером. Рекомендую попробовать.

– И давно?

– С тех пор, как я познакомился с ней. Откровение, мистический свет апостолов, неожиданно снизошедший на меня.

– Ты знаешь ее всего неделю!

– Ну и что? Очевидное сразу бросается в глаза. Обычно это происходит мгновенно.

– И ты утверждаешь, что не влюблен?

– Нет, и я думаю, что даже не осмелюсь прикоснуться к ней. Мне будет страшно ее сломать.

– Однако она не выглядит слишком ранимой. Она похожа на тех доступных женщин, которые в том возрасте, когда другие девочки еще прыгают через скакалку, уже запрыгивают к кому-нибудь в постель. Ты же видишь результат. Беременность в шестнадцать лет!

– Внешность бывает обманчива. Я убежден, что этой девушке необходима самая мягкая постель, чтобы она могла свернуться в ней, как в коконе нежности и беззаботности.

– Ну вот видишь, ты сам говоришь о постели. Предупреждаю, она тебя ошиплет.

– Жизнь легка как перышко, когда дуновение, которое несет ее, исполнено любви и нежности, так что я охотно пожертвую несколькими перьями...

– Это кто сказал? – спросил Жером.

– Я.

– Ты? – насмешливо переспросил сын.

– До чего же ты бываешь несносен!

– Во всяком случае, она тебя вдохновляет. Уже кое-что. А если в Бретани у нас не заладится? Дом небольшой, нам придется сидеть друг у друга на голове.

– А если все будет хорошо? Если у нас получится жить душа в душу?

– Не очень представляю, что может получиться с совершенно незнакомой мне девицей, едва вышедшей из подросткового возраста – если она вообще из него вышла, – да к тому же обремененной мальчишкой, который мог бы быть ее младшим братом.

– Не навешивай на людей ярлыки. Если она бедна и рано стала матерью, это вовсе не значит, что она недоразвитая и неинтересная.

– Поговорим об этом, когда вернемся, – цинично заключил Жером.

– Вот именно. Кстати, она много читает. А ты? Как давно ты в последний раз открывал книгу?

– Позавчера. Толстую тяжелую книгу в красной обложке.

– Знаю, Видаля². Я говорю про романы, очерки, что-то, чтобы отвлечься и раскрыться.

– Времени нет.

– Разумеется, есть. У тебя есть время. Ты его не используешь, вот и все. Потому что считаешь, что тебе не нужно ни отвлечься, ни открыться для мира.

– Мне нужна Ирэн.

– Ирэн мертва, – сухо ответил отец.

Жером умолк. И сейчас, спустя много месяцев после трагедии, эти два слова жестоко ранят. Отец произнес их ледяным тоном, и Жером знал почему. Он знал, что ему следует сми-

² Справочник лекарственных препаратов.

риться с этим фактом, записать его на своем жестком диске, и жалостью тут не поможешь. Поль вел себя доброжелательно по отношению к нему. В первые дни после трагедии он часто обнимал сына, держал за руку на кладбище, когда все ушли, а Жером, слишком долго простоявший перед вырытой ямой, как будто постепенно погружался в мелкий гравий дорожки. Но вот уже несколько недель, как отец сменил тактику. Чрезмерное сочувствие действует на его сына как-то нездорово. Не лучше ли иногда прибегнуть к электрошоку, если это позволит ему взглянуть в лицо реальности?

Мертва...

Только отец осмеливался произнести «мертва».

Остальные предпочитали избегать ранящей жестокости этого слова. Они используют эвфемизмы, не называя вещи своими именами, полагая, что в таком случае все произошедшее как бы не совсем реально, что так удастся хоть немного смягчить действительность.

Ушла. Куда?

Скончалась.

Изящно, но длинновато. И чересчур торжественно. Слишком официально.

На небо.

К другим!

Мертва.

Ну да, мертва!

Антоним «жива». Как природа на живописном полотне, где срезаны цветы, собраны плоды, которые сохраняют свои краски только на картине художника. Как несколько ее фотографий, собранные им в альбом, который он засунул в шкаф между книгами. Как натюрморт, приколотый к его жизни сельского доктора. И он страдает от муки, которую доставляет ему вбитый в его тело гвоздь. Зияние, которое в конце концов затянется грубым келоидным рубцом, из тех, что остаются на всю жизнь.

Поль нашел детское кресло. Разумеется, он взял самое дорогое. Максимальная надежность. Или обычный блеф производителя.

Когда они вернулись к машине, Жюли распахнула дверцу:

– Людовик еще спит, а мне хочется писать. Присмотрите за ним.

Глядя ей вслед, Жером пробормотал в свою трехдневную щетину, что ему редко приходилось встречать девушку, которая вела бы себя столь вульгарно.

– Ты преувеличиваешь, ведь сам же говорил мне, что «писать» – это вполне медицинский термин! – возмутился Поль.

– Тем не менее в разговорной речи это звучит вульгарно.

– Выходит, надо быть врачом, чтобы иметь право использовать его в разговорной речи, не выглядя при этом вульгарно? Может, Жюли известно, что это научный термин, означающий, что ты опорожняешь свой мочевого пузырь.

– Ты знаком со многими двадцатилетними девушками, которые разговаривают таким образом?

– У меня мало знакомых двадцатилетних девушек. И мне плевать на то, как они разговаривают. Главное, что они полны жизни. И позитивны, если хочешь.

– Ты из-за Ирэн так говоришь?

– Может быть. Лучше бы она была вульгарной, но счастливой. Я тоже хочу помочиться. Я-то хоть имею право так сказать?

– Прекрати.

– Присмотришь за малышом?

– А разве у меня есть выбор?

– Не хочешь писать?

– Нет.

– Тогда у тебя нет выбора. До скорого.

Поль занял место перед женской уборной и стал поджидать Жюли, чтобы сделать ей предложение из самых непристойных.

Спустя несколько мгновений она вышла, быстро проводя рукой по волосам, – видимо, взгляд, брошенный в зеркало над умывальниками, обнаружил сбившуюся прическу.

– Заскочите в книжный отдел и, если найдете что-то интересное для себя, возьмите. Прихватите заодно какую-нибудь забавную мелочь для Людовика, дорога длинная, – сказал Поль, протягивая ей свой кошелек. – Встретимся в машине.

– А где Людовик?

– Он в хороших руках, не беспокойтесь.

– Вот именно.

– Что «вот именно»?

– Меня вот именно и беспокоят хорошие руки, о которых вы говорите.

– Не волнуйтесь, внешность обманчива во всех смыслах.

– В каких еще смыслах?

– Я знаю, о чем говорю. А теперь идите, дорога длинная, а дни становятся все короче. Мне бы хотелось приехать в Бретань до наступления темноты. Боюсь, уже не успеем, но хоть попытаемся.

Жюли не задержалась надолго возле книжных полок. Она знала, что выбрать для себя. Последний роман Фред Варгас, который она хотела взять в библиотеке, как только книга туда поступит. А Людовику она поищет сказку про фей и духов. Вроде тех, под которые она так сладко спала в детстве. Быть может, слишком сладко. Трудно расставаться с прелестными волшебными сказками, когда твердо веришь в них. А однажды утром просыпаешься и понимаешь, что жизнь не такая идиллия, как пытаются нас убедить все эти истории.

«Они сыграли свадьбу, и у них было много детей».

Ну-ну, рассказывай!

Пора бы уже найти Прекрасного принца. В тех прелестных историях женщины не растят в одиночку ребенка, не вкалывают с утра до вечера, чтобы выжить. В тех прелестных историях женщины прекрасны, мужчины сильны, они любят друг друга, и жизнь добра и великодушна к ним.

Что за чушь эти волшебные сказки...

Когда Жюли вернулась на парковку и увидела, что на том месте, где они остановились пол часа назад, машины нет, у нее свело желудок. Потому что она была совершенно уверена, что это то самое место, рядом с навесом для тележек, прямо напротив входа «В». Мысли проносились в ее голове, наверное, с такой же скоростью, с какой в воображении умирающего проходит вся его жизнь. Они уехали, увезли Люка. Конечно, мать сказала бы ей, что это безумие, но почему? Для продажи в Азию! Только не Люка! Только не ее Люка! Как она могла поверить первому встречному, как могла подумать только о своем мелком личном интересе? Несмотря на резкую боль в животе, Жюли бросилась по аллеям паркинга на поиски серого внедорожника. Это невозможно, это невозможно, это просто невероятно!

Сволочи!

Жюли задыхалась. Она не видела никого вокруг, не слышала воплей женщины, которую нечаянно толкнула на бегу, так что та едва не упала. Найти Люка. Она посмотрела на выезд с парковки. Попыталась разглядеть уезжающую машину. Хорошо организовано, если подумать. Здорово они ломали комедию. Наивная, как же она попала! А что теперь делать? Что делать? Жюли чувствовала, что сейчас заплачет. Надо найти телефон и позвонить Манон. Уж она-то придумает, что делать. Она всегда знает что и как. Жюли не могла оторвать взгляд от тор-

гового центра, от того безнадежно пустого места, которое как раз занимала другая машина. Она вздрогнула, когда у нее за спиной раздался гудок, и сразу обернулась. Поль внезапно сконфузился и перестал улыбаться, поняв по ее глазам, что она обезумела от страха. Жюли увидела сына в детском кресле. Она закрыла глаза и едва не потеряла сознание. Облегчение внезапно сменилось гневом, и, усевшись в машину, она яростно захлопнула дверцу.

– Где вы были? – завопила она.

– Успокойтесь, Жюли. Мы заехали на станцию техобслуживания проверить давление в шинах: у меня были некоторые сомнения насчет одного колеса.

– Никогда больше так не делайте! Я испугалась!

– Чего вы испугались?

– Что вы уехали!

– Куда бы мы уехали без вас?

– Не знаю, но никогда больше так не делайте! – повторила Жюли, обнимая спокойно улыбавшегося ей Люка.

– Потиму ты пвачешь, мамочка?

Вскоре автомобиль вновь выехал на трассу. Людовик прилип к бутылочке. Чтобы забыть пережитый страх, от которого ее сердце все еще отчаянно колотилось в груди, Жюли раскрыла только что купленный роман. Жером безучастно смотрел в окно. А Поль размышлял.

Он думал о будущем, о прошлом, о настоящем. О промелькнувшей жизни и о том, чего он от нее еще ждет. Он нуждался в молодости и фантазиях, в хорошем настроении и нежности. Особенно в нежности.

Разочаровавшись в своем втором браке, он не расстался с женой, чтобы соблюсти приличия. У них, по сути дела, было мало общего. По утрам она в основном была занята своей внешностью и проводила время между косметологом и спортивным клубом, вторую половину дня посвящала шопингу, а по вечерам встречалась с приятельницами.

Жалование мужа, обеспечивающее достойную жизнь семьи, позволяло ей не работать, и она удобно устроилась, не испытывая особой благодарности и не считая нужным проявлять заботу о супруге. Их разговоры были пустыми и неинтересными, как страницы дамских журналов, которые она читала дни напролет, а Поль только о том и мечтал, чтобы поговорить о классических или современных авторах, которыми наслаждался в редкие свободные минуты. Единственное, что вызывало интерес у его супруги, – это материальное благополучие, что Полю представлялось совершенно ничтожным.

Сегодня ему стало очевидно, что в последние несколько лет он с головой ушел в работу, чтобы как можно меньше времени проводить дома. Особенно с тех пор, как Жером оперился и зажил своей жизнью.

Так что уход Марлен стал для Поля облегчением и новой отправной точкой. Ему хотелось прожить жизнь насыщенно и радостно. Наслаждаться текущим моментом, не строя фантастических планов.

Каких планов?

Полина, его непокорная комета.

Вот уже тридцать лет, как она изменила траекторию. Она где-то там, его комета, на расстоянии множества световых лет...

Может быть, Жюли – такой маленький астероид, с которым он столкнулся. Но когда удар достаточно силен, порой траектории отклоняются.

Как знать?

В любом случае на сегодняшний день он был определенно уверен в одном: дорога будет долгой.

Они редко останавливались. Ребенок вел себя прекрасно, мать изобретательно находила для него развлечения. Они соревновались, кто первым заметит на холме водонапорную башню, или считали грузовики, которых обгонял их внедорожник. Жюли на ходу придумывала какие-то истории про мелькающий за окном пейзаж. Иногда пейзаж становился унылым, особенно когда до самого горизонта тянулись поля со стоящими среди них сиротливыми деревьями. Тогда каждый углублялся в свою книжку. После супермаркета Жером не произнес почти ни слова. Поль не реагировал. Ему всегда легко удавалось сосредоточиться, к тому же он любил водить машину. Однако приближалось время обеда. Малыш проголодался и просил есть. Желудок Поля тоже. Гипогликемия на трассе непростительна.

Через два десятка километров Поль включил сигнал поворота и съехал в зону отдыха с рестораном. Было около двух часов, так что можно было рассчитывать, что народ уже схлынул.

Жером первым вышел из машины и направился к лужайке в конце паркинга. Некоторое время он смотрел вдаль, потягивался, спокойно размышлял.

Жюли обогнула автомобиль, чтобы вытащить сына из кресла. Она билась с застежкой ремня безопасности, которую ей не удавалось расстегнуть. Старое кресло было менее надежным, зато простым. Поль взял ее за плечи и предложил свою помощь. Ему быстро удалось отстегнуть ремни, он взглянул на Людовика. Тот тоже посмотрел на него и вдруг заговорщицки улыбнулся. Поль принял его улыбку как подарок. Первые шаги приручения. Как Маленький принц и Лис. Разве что тут старый лис пытается приручить принца. Не важно. Приручение всегда процесс взаимный.

Хотя больше всего ему хотелось бы приручить принцессу-мать.

– Перейдем на «ты»? – предложил он.

– Если хотите...

– Плохое начало!

– Мне понадобится какое-то время...

– Почему? – удивился Поль.

– Из-за разницы в возрасте.

– Интересно, долго еще вы собираетесь напоминать мне о разнице в возрасте?

– Вы снова со мной на «вы»?

– Разумеется, с досады.

– Простите.

– Не беспокойся, я свыкнусь.

– Я тоже...

Тогда Поль обхватил ладонями ее лицо и поцеловал в лоб. От его прикосновения Жюли напряглась и теперь силилась расслабиться. Она не привыкла к проявлениям нежности. Кроме прикосновений Людовика, мало какие представлялись ей искренними и ласковыми.

– Сперва поедим, а потом разомнем ноги? – предложил Поль.

– Подходит. Пойду куплю сэндвич на заправке.

– Ничего ты не пойдешь покупать. Мы пообедаем в ресторане, закажем горячую еду и удобно устроимся.

– У меня нет денег на ресторан.

– Ты со вчерашнего дня заделалась феминисткой?

– Я не хочу, чтобы меня содержали.

– Я тебя не содержу. Я вас приглашаю: тебя с малышом и своего сына.

– Мне неловко.

– И совершенно зря. У меня денег гораздо больше, чем мне нужно для счастья. Так что считай, что я дарю тебе этот отпуск и оплачиваю все расходы.

– А что скажет ваш сын? – спросила Жюли.

– Твой сын.

– Мой сын?!

– Что скажет *твой* сын, – поправил Поль.

– В три года истории с деньгами его пока не касаются.

– Я говорю не о твоём сыне, а о своём.

– Теперь я вообще ничего не понимаю.

– Мы же на «ты»: что скажет *твой* сын?

– А... то есть что скажет т... Жером?

– О чём?

– О подарке, который вы мне делаете.

– Мне плевать на то, что он скажет.

– Он может позавидовать.

– У моего сына тоже нет финансовых проблем. И прекрати о нём думать, – отрезал Поль.

– Он не слишком-то разговорчив, и, похоже, я ему совсем не нравлюсь.

– Не торопись делать выводы.

Поль окликнул сына, чтобы дать ему знать, что они готовы. Жюли взяла за руку Людовика, другой ручкой мальчонка уцепился за Поля и принялся считать: «Вас, два, тли...» Полю не потребовалось разъяснений, он одновременно с матерью приподнял малыша над землей, к его величайшему восторгу.

Жером следовал за ними метрах в десяти, не понимая, что и думать об этой невероятной троице. Впрочем, иногда он предпочитал вообще не думать. Это избавляло его от воспоминаний об Ирэн. Но кнопка «выключить» не работает, выключить невозможно. И чем больше он старался, тем хуже получалось. Он надеялся, что шум волн загипнотизирует его сознание, измученное мыслями об уходе Ирэн.

Испытав все радости самообслуживания, заставив подносы едой (Людовику очень хотелось посмотреть, что лежит на тарелках), они наконец устроились за столиком. Жером, глядя на сидящего напротив него малыша, по-прежнему хранил безнадежное молчание. Кажется, он был почти умилен, когда ребенок, старательно обмакнув в кетчуп жареную картошку, немедленно посадил на футболку красное пятно. «Не ствашно», – утешил Людовик мать, прежде чем та успела сказать хоть что-нибудь. Другие родители рассердились бы, отругали бы его за неаккуратность, но Жюли ничего не сказала. Она просто вытерла пятно салфеткой и согласилась, что да, это и правда не страшно.

Когда Жером был маленьким, Марлен, вторая жена отца, только и делала, что упрекала его за то, что он испачкался за столом, в траве или в грязи. Его детство было тоскливым, печальным, бедным на радостные сюрпризы. Он и шелухнуться не смел, чтобы не испачкать красивый наряд мачехи, и это в конечном счете начисто лишило его фантазии. Неожиданно, глядя на Жюли, он осознал, что отец никогда не рассказывал ему о его родной матери, о трех первых годах, когда она была с ним, с Жеромом. Наверное, она, ласковая и снисходительная, прислушивалась к его желаниям, была ему веселой подружкой. Как эта молодая женщина со своим малышом. Потому что, хотя Жюли и выглядит отсталым подростком, ей не откажешь в способности с естественной нежностью заботиться о сыне. Может, это объясняется тем, что и сама она совсем недавно распрощалась с детством. А может, просто она такая, и все тут. И ей плевать на пятно на футболке. В конце концов, Земля же не перестанет вращаться.

Только этого не хватало!

– Он не произносит «р»? – спросил Поль.

– Изредка. Но не всегда. Он говорит «крава» вместо «трава», но всегда «мовоз» вместо «мороз».

– Как ты говоришь «ми»? – обращается Поль к малышу.

– Ми! – с гордостью отвечает Людовик.

– Как ты говоришь «мо»?

– Мо!

– Как ты говоришь «мороз»?

– Мо... стужа.

Жерому хотелось улыбнуться, оценить ясность ума и даже чувство юмора трехлетнего малыша, но это означало бы прервать нарочитое молчание. Что в его планы пока не входило. Слишком преждевременно. Ему следует соблюдать видимость, показывать, что он сам по себе, что у него есть свое, категорическое мнение: присутствие этой парочки неуместно. Поэтому он не подпустил к губам улыбку и силился не заразиться смехом двоих других взрослых. Чувствуя, что вот-вот сдастся, Жером закусил губу и, схватив свой поднос, направился в сторону кухни, чтобы поставить его на тележку.

– Вы уверены, что мне не следует отправиться куда-нибудь в другое место, чтобы не отравить вам отпуск? – снова становясь серьезной, спросила Жюли.

– Я уверен в одном: мне бы хотелось, чтобы ты говорила мне «ты». А Жерому надо дать время, в последние недели он много страдал.

– То-то и оно! Ему бы неплохо было посмеяться, – предположила Жюли.

– Лучше бы он смог хотя бы поплакать. Если бы он только позволил это себе.

– А из-за чего он страдает?

– Потом расскажу. А сейчас нам пора ехать. Сегодня вы должны захватить хотя бы закат.

– Солнце вроде каждый день садится?

– Да, но в первый вечер закат самый красивый. Особенно для тех, кто никогда не видел моря.

Через несколько минут внедорожник вновь выехал на трассу. Все по местам: Людовик в своем новехоньком кресле потихоньку погрузился в сон, Жюли рядом с ним – в свою новехонькую книгу. Жером уставился в окно. У него ничего нового, кроме гнетущей тоски и чувства невыносимого одиночества. И Поль со своими развеселыми мыслями. Ему нравилась идея этой поездки в Бретань. Нравилось, что он пустился в приключение и может не завидовать даже самым знаменитым искателям приключений на свете. Это путешествие не связано с географией. Скорее, оно ведет в глубины человеческой души с ее непроходимыми дебрями...

Примерно в половине пятого Поль снова включил сигнал поворота. Зона отдыха на подъезде к Анжеру. Ему нравится это место. До того момента, когда взгляд успокоится на необозримом, навевающем покой пространстве морской глади, осталось всего три часа. Три часа до того, как он увидит свой домик, приобретенный тридцать лет назад, когда ему надо было вложить крупную сумму. Скромный дом, который противостоит времени, ветрам и приливам, стоящий обособленно от остальных деревенских построек, чуть выше. И сквозь застекленную дверь спальни можно при первых рассветных лучах любоваться волнами.

Будь Поль один, он доехал бы без остановок, но малыш, который все это время сидел спокойно, теперь испытывал потребность побегать. А Жюли снова хотела «писать». Она увела с собой сына, чтобы поменять ему подгузник: она надела его Людовику, перед тем как сесть в автомобиль, опасаясь, как бы он не запачкал новое кресло, которое она сама никогда не могла бы приобрести.

Молодая женщина вернулась к машине с пачкой печенья, которую купила в магазинчике на заправке на сдачу, оставшуюся от купюры, данной ей Полем на книги. Жером уже устроился на переднем сиденье. Поль, улыбаясь, поджидал их. Навигатор показывал последний участок

пути. Теперь только по прямой. До сих пор ребенок вел себя спокойно, что позволяло надеяться на безмятежное завершение поездки.

– Хотите печенья? – спрашивает Жюли, протягивая пачку Полю.

– Если скажешь мне «ты», возьму одно.

– Хочешь печенья?

– Вот видишь, совсем не сложно.

– Это вы говорите... Так как насчет печенья?

Поль с кислой миной вытащил печенье из пачки. Опять не получилось. Тогда он уселся за руль и стал ждать, пока Жюли не пристегнет малыша, чтобы двинуться в путь.

Жюли заняла свое место на заднем сиденье и протянула пачку Жерому:

– Хотите печенья?

– Нет, спасибо, – не глядя на нее, ответил он. – Я стараюсь следить за тем, что ем.

– А я нет, – с набитым ртом ответила девушка. – Жизнь всего одна. Надо же хоть изредка доставлять себе удовольствие.

– А она права, – вмешался Поль. – Нантское печенье не сократит твою жизнь.

– Оставь меня в покое. Не хочу, и все.

– Я могу взять вместо него? – поинтересовался Поль у хозяйки пачки.

– Я хочу! – решительно потребовал Людовик.

– Попроси вежливо, – остановила его мать.

– Я хочу вежливо!

– Надо сказать «пожалуйста», – настаивала она.

– Мотай на ус, – бросил Поль сыну.

– Ладно, хватит! – резко ответил молодой человек.

– Расслабься, Жером. Я шучу. Честное слово, этот отпуск пойдет тебе на пользу.

– Что-то я уже начинаю сомневаться.

Тут у него зазвонил телефон.

– Аллю? – агрессивно произнес Жером.

– Да, здравствуйте, то есть здравствуйте еще раз, – ответила Каролина.

– Уже?! – продолжил он, немного смягчив тон.

– Простите, простите, мне очень неловко...

– Я шучу. Что случилось?

– Я разбила термометр. Не беспокойтесь, завтра я куплю другой. Но не успею до начала приема.

– В кладовке есть еще один. Вы в кабинете?

– Да.

– Итак, дистанционное управление! Входите в кладовку, в глубине видите высокий шкаф с тремя секциями ящиков. Термометр должен быть в самом нижнем ящике левой секции.

– Сейчас посмотрю, – сказала она, выдвигая ящик. – Здесь только хирургические маски.

– Посмотрите в другом, тоже слева... Успокойте меня относительно ваших пациентов...

Вы хорошенько прощупываете печень справа и прослушиваете сердце слева?

– Да, а почему вы спрашиваете?

– Просто так. Есть?

– Да. Он был в другом ящике.

– В остальном первый день прошел нормально?

– Да! Вы были правы! Насморки, бородавки, отиты и воспаленное горло. Ничего более серьезного.

– Ну вот видите! Могли бы и поспать прошлой ночью. Острая легочная эмболия никогда не случается в первый день.

- Это вы чтобы меня успокоить?
- Нет, чтобы вас рассмешить.
- У вас не получилось.
- Простите. Это было глупо с моей стороны. Может, вас успокоит, если я скажу, что сам никогда с ней не сталкивался? И мой предшественник тоже – за все тридцать пять лет своей практики.
- Да, чуть-чуть...
- Каждый раз повторяйте себе, что делаете все от вас зависящее, но что изменить судьбу не в ваших силах. Я знаю, о чем говорю.
- Попробую. Не буду больше вам мешать. Приятного отпуска! – сказала молодая женщина.
- До завтра, – ответил Жером.
- Нет-нет, обещаю, я не буду беспокоить вас каждый день!
- Острая легочная эмболия обычно случается на второй день.
- Опять не смешно.
- Хорошего вечера, Каролина.

Поездка заканчивалась в молчании. Мужчины впереди почти не разговаривали. Пассажиры на заднем сиденье прилежно уткнулись носом в книги или играли в угадайку – в зависимости от того, какой пейзаж мелькал за окном автомобиля. Погода весь день была отличная, но, когда они добрались до Ванна, уже начинало смеркаться. До дому оставалось меньше часа. Они приедут как раз к заходу солнца. Это будет прекрасное завершение поездки, которое позволит снять напряженность.

Когда они выехали на дорогу, идущую вдоль океана, сзади сидел не один ребенок, а два. Открывшийся им волшебный вид заморозил обоих и отражался в их глазах оранжевыми искрами. Как утром огни туннеля, но ярче. Они вырвались из туннеля. Теперь их взорам предстал океан. Когда Поль припарковался возле дома, Жюли показалось, что все это ей снится. Прямо за спиной она заметила пляж и даже расслышала шум волн. Прежде чем скрыться за домом, она отстегнула Людовика и улыбнулась Полю.

- Идешь с нами на пляж? – спросил он своего сына.
- Нет, дай мне ключи, я перенесу вещи.
- Как хочешь. Ключи в тайнике, как обычно. Эй, подождите меня! – крикнул он Жюли, которая, подхватив малыша, уже шагала по песку.
- Не могу, – со смехом ответила она, – это сильнее меня...

Когда Поль догнал их, Жюли с Люком на руках уже замерла у кромки воды и смотрела вдаль, на горизонт. Последние отблески солнца освещали два блаженно улыбающихся и похожих, как никогда, лица. К ним присоединилось третье, лицо Поля. Он был на седьмом небе от счастья, что может разделить их простую радость, зная, что в этом есть немножечко и его заслуги... Как далеко позади осталась та слезинка в супермаркете... Они некоторое время брели по пляжу, хотя быстро темнело. Шум волн прекрасной песней звучал в голове Жюли, пока она благодарила Поля за столь великолепный подарок. Ей казалось, что это сон, и она едва не попросила Поля ущипнуть ее. Подобные моменты столь редки в ее жизни, что она с трудом верит, когда они случаются. Потом они втроем возвратились в домик на берегу моря, которое даже не мелькало в мечтах Жюли. Даже в самых безумных.

Жером молча удалился в комнатку под крышей. Так спокойнее. Осталась большая комната с двуспальной кроватью и крохотная гостевая с узкой постелью. Жюли принялась раскладывать в ней свои вещи. Привычка к тесноте. Но Поль молча подхватил их пожитки и устроил молодую женщину с ребенком в большой спальне.

- Маленькую займу я, – бросил он вместо объяснения.

- Ну что вы, я прижмусь к Люку, мне привычно.
- Ты что, шутишь? Будьте как дома. А мне это напомним студенческие годы, когда я скитался по друзьям и мог заснуть где угодно.
- Как хотите.
- Больше всего я хочу, чтобы ты перестала мне выкать. Это постоянно прогоняет воспоминания о моей молодости, возвращая к мыслям о пресловутой разнице в возрасте. Хочешь что-нибудь съесть?
- Нет, спасибо. Люк устал, буду его укладывать.
- Я разожгу камин; если захочешь, можешь прийти погреться. В доме все-таки прохладно.
- Убаюкаю его и приду.

Людовик уцепился за материнскую шею и прошептал маме на ушко, что море – это очень красиво. Пойдут ли они туда завтра? Разумеется, пойдут. Исккупаться он не сможет, но они хотя бы поиграют в песке...

Несмотря на многочасовой сон в машине, ребенок без труда заснул. Поездка утомила его. На лице малыша играла та же улыбка, что на пляже. В этот вечер, глядя на сына, спящего под теплым одеялом в огромной кровати, Жюли переживала довольно редкий для нее момент огромного счастья. Вместо колыбельной и ароматизатора воздуха – морской прибой. Кажется, этот момент почти стер из ее памяти другие, когда она сожалела о том, что заставляет трехлетнего ребенка проживать эту говенную жизнь. Так что напрасно няня твердила ей, что материальные блага – это не главное и что Людовик выглядит гораздо более счастливым, чем другие дети, получающие все, что пожелают. Жюли чувствовала себя виноватой, что сыну приходится жить в таких условиях.

Потом Жюли присоединилась к Полю, который устроился на диване со стаканом в руке и смотрел на пляшущее в камине пламя.

- Выпить хочешь?
- А что это?
- Наливка старого холостяка.
- А молодым девушкам такое можно?
- У тебя мальчишеский темперамент, тебе понравится. Домашний рецепт, сделано в прошлом году.
- Тогда очень хочу. А Жером не хочет?
- Не думаю. Он, наверное, уже уснул. Он сейчас много спит.
- Так что там за история?
- Его жена покончила с собой чуть больше трех месяцев назад.
- Ой... – после долгого молчания выдавила она, – а почему?
- Глубокая депрессия. Я всегда знал, что Ирэн склонна к депрессиям. У нее было хрупкое здоровье, и душевное и физическое. Порыв ветра мог поднять ее и унести куда-то, а она даже не была способна сопротивляться. Эмоциональные порывы точно так же действовали на ее душу. Одно лишнее слово, один недобрый взгляд – и вот уже она опускала глаза, чтобы никто не видел, что ее несет, точно осенний листок. Знаешь, сейчас, когда я рассказал тебе о ней, я точно осознал, какое она производила впечатление. Сухой листок, оторвавшийся от живой ветки и больше не получающий питательных соков. Почему для нее не существовало другого времени года, кроме осени, я не понимаю... По воле ветра ее занесло в сад Жерома... Подозреваю, что он влюбился в Ирэн в бессознательной надежде, что ему удастся ее спасти. Он врач до мозга костей. В тот день он вернулся домой слишком поздно. Приди он несколькими минутами раньше, она сейчас была бы жива. Он не может себе простить. Он беседовал на крыльце с одним из своих пациентов. И вдруг услышал выстрел.

- Она выстрелила в себя? Какой ужас!.. Где же она взяла оружие?
- Старый пистолет ее бабушки. Времен Второй мировой войны. Жером и не подозревал, что она сумеет нажать на курок. Вот так-то... Поэтому ему нужно время, чтобы привыкнуть к тебе. Вообще к людям... Я пригласил его, чтобы он слегка передохнул, набрался сил, прежде чем снова погрузится в свою работу. Он не выходит из своего мрачного состояния, и становится все хуже и хуже. Меня это беспокоит.
- Понимаю. Не буду к нему приставать. В конце концов он со мной свыкнется.
- Да, в конце концов... Знаешь, он хороший мальчик. Ему просто требуется какое-то время. Сбросить балласт. И все вернется. Он никогда не был клоуном, но умеет быть милым.
- У него нет детей?
- Нет, они не успели их сделать. Может, это и к лучшему, – добавил Поль, – лишиться матери в таком раннем детстве...
- С другой стороны, ребенок помог бы ему выкарабкаться...
- Уступи ему Людовика для вертикального вытяжения. Я уверен, что результат будет отменным.
- У Люка не хватит сил вытянуть всех: ему всего три года.
- А кого же еще он тянет?
- Меня. Он помогает мне вставать по утрам, терпеть мою работу, надеяться на лучшее.
- Ты не можешь назвать себя счастливой?
- Но и несчастной – тоже. Главное, я устала. Мне хочется лечь, – вдруг объявила Жюли.
- Чтобы не рассказывать мне о своих настроениях?
- До завтра...
- И все же объясни мне кое-что. Что это за тряпка, с которой он не расстается?
- Один из моих старых бюстиков, – улыбнулась Жюли.
- Бюстиков?
- Бюстгальтер. Для кормящих. Как-то вечером, когда Люк еще едва ползал, он нашел его в грудке белья на полу перед стиральной машиной и захотел с ним спать. От него же пахло молоком. И с тех пор это его талисман, или, как он говорит, «дуду». Правда, я отрезала бретельки, потому что они за все цеплялись. И так меньше похоже на лифчик. Я тут месяц назад зашла в детский сад, так их чопорная директриса вызвала меня, чтобы прочесть мне целую нотацию про его неприличный талисман. «Никогда не видела ничего подобного. Почему бы тогда не трусы?» – сказала она мне.
- Ну что же, в чем-то она права. И что ты ей ответила?
- Что Люку нравится запах моего молока, что я бы забеспокоилась, если бы он стянул лифчик нянечки из детского сада, а так пока нет повода закидываться. Тем более что, замусоленный и без лямок, он постепенно утратил свою первоначальную форму. Так что в ящике возле входа в группу, где дети оставляют принесенные из дому плюшевые игрушки, лежит и бюстгальтер для кормящей матери, который, впрочем, уже ни на что не похож.
- Когда Жером был маленький, у него были мякушки.
- Что?
- Мякушки. Это он сам так назвал. Куски желтого поролон, которым набивают валики и подушки. Он всегда имел при себе несколько штук, мямлил их в руке и сосал палец.
- Не менее странно, чем бюстик...
- Однако не так узнаваемо... Как-то раз, когда ему должно было исполниться шесть, мы арендовали домик в горах. Там в одной комнате к стене был прислонен поролоновый матрас без чехла. Из того же материала, что и мякушки из подушек. В восхищении Жером все восклицал: «Ой, гигантская мякушка!» Потом Марлен перед стиркой находила мелкие мякушки в карманах его джинсов, когда ему уже было пятнадцать. Долгая была история с этими мякушками...

– Мы успокаиваем себя как можем... – сказала Жюли, уходя спать.

Поль налил себе еще чуть-чуть. Его наливка старого холостяка и впрямь восхитительна. Теперь, когда он стал настоящим старым холостяком, проводившим годы у станка и только недавно получившим свободу, она приобрела еще большую пикантность. Во всяком случае, Марлен не явится с требованием, чтобы он прекратил пить. Она бы ни за что не присела у камина выпить с ним стаканчик. В этой девчонке есть что-то искрящееся, чего вот уже больше тридцати лет не доставало в его унылой жизни. При этом хотя она тяжело вкалывает, но, кажется, еще способна восхищаться заходом солнца на пляже. Хороший знак. Она не такого типа, как его покойная Полина. Совсем другая. Полина была шикарная, изящная – и сдержанная. Жюли почти вульгарная, немножко пацанка и напористая. Но есть в ней что-то, чем обладают очень немногие. Какой-то внутренний огонь. Что-то, что согревает и одновременно заставляет вздрагивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.